

Культура-20 августа 1994 г. ◆ 5

ПИСЬМЕЦО В КОНВЕРТЕ
ПОСЛЕДНИЙ ПОДАРОК

Для меня воспоминания об Иннокентии Смокуновском связаны не только с идеальным пластическим рисунком каждой его роли, но и с уникальным звучанием голоса. Недавно вышла грампластинка с записями стихотворений Райнера Марии Рильке в исполнении великого мастера.

Рильке — трудный поэт. Укротить огнедышащий поток его слов, ввести их в полифонический состав «оркестровых» групп, объединить чеканной формой подвластно только равноценному гению. Ведь любая интонационная фальшь ввергает все построенное стихотворное здание в хаос бессмыслицы, содержательной пустоты. Поэтому слушать Смокуновского, читающего произведения Рильке, — следить за поединком двух гигантов. Ты буквально физически переживаешь, как голос актера вырывает из поэтического пространства гармоничные, целостные и ценные созвучия.

Вот «Голубая гортензия»... Душное марево импрессионистической гаммы звуков. Зыбкое дрожание, неуловимость формы. Кажется, неумогу бороться с этим завораживающим цветным мерцанием слов. Прочла речь Смокуновского как будто безропотно поддается усыпляющему и дурманящему словесному потоку. Она приглушена, словно звучит из далеких бездонных омутов. Но крепнет, набирает силу излюбленное густое «виолончельное» соло голоса Смокуновского, и слова начинают вязнуть, застывать. Они создают гармонию

Целого... Некоторые изломы интонации — и однородная доселе поэтическая материя начинает сверкать разными гранями.

Вот «Карусель»... Благодаря феноменальному интонационному «вibrato» Смокуновского слушателем пережиты, выстраданы все оттенки чувств этого поэтического рондо: от детского наивного испуга до высокого творческого вдохновения... Медленное, кантиленное начало, и постепенное нарастание темпа, более жесткий, экспрессивный ритм. Ласковые, нежные, шепчущие волны звуков становятся вдруг звенящей, пронзительной кодой финала. Кульминация: последний аккорд — напряжение всех эмоций, взорвавшихся в слове, будто обжигающем гортань чтеца.

Смокуновский ни на секунду не отпускает дыхание слушателя, властно пропуская сквозь него «вольтовые искры» звуков собственного голоса.

А как пережить в исполнении артиста эти строфы Рильке: «Мы ничего не знаем про уход//Раз навсегда ушедших, и не нам//Судить о смерти, забегав вперед,//Приглядываясь к сдвинутому чертам//На маске трагедийного конца,//Пока мы здесь разыгрываем роли//В надежде славной лицедейской доли//Играет смерть от своего лица»..?

Да, человек смертен. Но голос Артиста победил смерть и звучит для нас сегодня.

С. ХАЧАТУРОВ,
аспирант МГУ.

МОСКВА.